

ЧАСТО мы не узнаем себя в литературе. Бывает, правда, что и узнать-то невозможно: настолько бледно, туманно, приблизительно дано автором изображение современности, особенно в некоторых произведениях, действие которых вроде бы происходит в наши дни. Немало на памяти и случаев другого гола, когда мы действительно не могли узнать себя в повести, романе: очень уж исказил автор реальные черты и отношения, так что и не разберешь поначалу, чего же он хочет, автор, и чего больше в его сочинении — профессиональной безответственности или бессильной ярости по поводу необратимого хода времени.

Возьмем нормальный случай: книга и массовый читатель. Сколько здесь разворачивается драм., водевилей, фарсов! Разумеется, некоторая часть читателей, грамотных, квалифицированных, серьезно воспримет книгу и если что-то сразу не поймет, начнет размышлять. Но найдутся и такие, что обрываются мысленно на автора за то, что он не все разжевал в своем произведении.

Давно уже известно миру, что чтение литературы требует от читателя труда, эстетической культуры, сопереживания, сотворчества. У знаменитого русского библиографа Николая Александровича Рубакина по этому поводу сказано много интересного. Можно привести и более поздние свидетельства литераторов, например, Сергея Залыгина, который прямо утверждал, что творчество, в том числе и художественное, — это узнавание прежде всего жизни реальной. А чтение ведь тоже дело творческое: недаром же мы говорим, что есть талантливые читатели, что рядом с ними встречаются читатели средние, недостаточно воспитанные эстетически, с пониженным творческим тонусом. Если уж мы упомянули С. Залыгина, то полезно еще раз посмотреть некоторые читательские суждения в связи с его романом «Южноамериканский вариант». Много о нем было споров среди критиков и читателей. Не претендуя на окончательные оценки романа, приведем лишь одно читательское мнение, резкое, категоричное, не допускающее никаких возражений.

Зоя Янкова, научный работник, социолог, писала тогда в «Литературном обозрении», что героиня залыгинского романа Ирина Мансурова — и не жена, и не мать, и не работница: «... в романе изображена, по сути, среда мещанская, которая равно проявляет себя, будь то на скамеечке у подъезда, будь то в отделе НИИ. И как раз для мещанина в современных обстоятельствах и типичны столь бессмысленные и бесперспективные поиски своего «я», которыми так усиленно занята Ирина Викторовна Мансурова в выдуманной ей самой «Большой Любви».

Вот так легко и просто обоглашала уважаемая читательница с милой, доброй Ириной Викторовной, которая никому не хотела зла, а лишь однажды, в новогоднюю ночь, пожелала себе большого, истинного

чувства. Она вышла из этой «личной истории» более трезвой в своем отношении к миру, к людям, она поняла, что многие ее коллеги даже не догадываются о духовных и душевных запасах человечности и в свете, в повседневности мельтешат, мельчат, смешивая подлинные и мнимые ценности.

Чтобы увидеть и почувствовать драматизм положения Ирины Сергеевны Мансуровой, нужно по крайней мере не закрывать глаза на реальные проблемы современной женщины, на укороченные эмоции и подавляемые нередко в деловой суете душевные движения своих знакомых, близких, окружающих. Требуется хотя бы не забывать о том, что не все еще счастливы, волнуетесь, когда у другого болит сердце или коленка. Писатель

Вл. ВОРОНОВ

МНЕНИЕ БЕЗ СОМНЕНИЯ?

Культура чтения, эстетическая воспитанность читателя — весьма важные факторы литературного процесса. Чтение как сотворчество — об этом полемические заметки критика Вл. Воронова.

стремился показать, как его героиня пытается прорваться сквозь безличное самодовольство своих друзей к сложному драматическому ощущению жизни; он сознательно не выговаривал последние слова, надеясь на читателя. И оказалось, что в некоторых случаях напрасно надеялся. Потому как не все, далеко не все читатели приучили себя к сосредоточенному труду общения с книгой, да и не все читатели хотя бы такого труда... Гораздо проще, наверно, не замечать этой неутомимой жизни, предлагающей каждый день какие-то новые нерешенные вопросы, драмы, конфликты. Проще и легче.

С многими читателями сегодня интересно разговаривать о литературе: они думают и задают вопросы. А если не все и не совсем точно восприняли что-то в книге, то это дело поправимое. Главное, чтобы сохранилась и укрепилась эта привычка: думать о книгах, думать о жизни. Ведь немало читателей благополучно обходятся без этой благой привычки, и ничего — живут. Но им не знакомы сокровенные радости и смятения духа и чувства.

Евг. Богат в «Литературной газете» набрасывал «штрихи к портрету читателя». Очень соблазнительный получился портрет, правда, несколько суммарный и отвлеченный: писатель отметил читательскую эрудицию, высокий интеллектуальный уровень и объяснил это тем, что «сегодняшний читатель — это интеллигенция не в первом поколении, а часто во втором и третьем».

Нельзя не согласиться с Евг. Богатом: образованность — фактор важный, но ведь известно, что она отнюдь не прямо, а лишь косвенно связана с интеллигентностью, нравственной цельностью, даже просто начитанностью. Разве мы не знаем, что многие молодые и пожилые люди, «проходившие» в школе литературу и получившие аттестат зрелости, так и не удосужились прочитать полностью «Евгения Онегина» или «Анну Каренину»? Даже выпускники филологического факультета, получившие университетский диплом, не все читали некоторые классические произведения литературы (например полностью «Фауста» или «Дон Кихота»).

Разве не известно, что иные

Юдин остается одиноким («ЛГ» от 16 августа 1978 г.).

Да просто помочь читателю разобраться в этом безбрежном книжном море, научить его отличать талантливые произведения от средних, проходных вещей, серьезные книги — от ремесленных поделок или спекулятивных однодневок — вот что нужнее нашему дорогому, доверчивому, к сожалению, не всегда разборчивому читателю.

Мы уже вступили, кажется, в сферу читательских вкусов, которые имеют отношение к профессиональной критике: она тоже часто не узнает себя в литературе, и тогда книги перетолковываются наперекосяк, а читатель сбивается с толку.

Со всем ведь недавно — лет семь-восемь назад — мы чи-

тали статью опытного критика, который обвинял Василия Шукшина в проповеди цинизма, моральной распущенности, в девальвации художественного слова. Критику тогда не понравились слова Шукшина о том, что правдивость — один из основных критериев нравственного здоровья литературы. И критик писал по этому поводу: «Тезис В. Шукшина независимо от его субъективных устремлений сводится к отрицанию объективных критериев идейности, правдивости и художественности, к отрицанию объективных критериев коммунистической нравственности».

Сегодня неприятно напоминать такие размышительные заявления, хоть они и написаны семь-восемь лет назад.

Кстати, традиция эта подхвачена М. Лобановым в журнале «Волга» (№ 1, 1978). В его статье «Знания и мудрость», напечатанной в дискуссионном порядке, есть серьезные, аналитические главы о Распутине и Астафьеве, но вот в прозе Шукшина критик не узнает ни жизни, ни современников, признавая шукшинский талант лишь в кинематографических его созданиях. По мнению критика, писал «Шукшин не шедро, очень уж расчетливо, имея дело не с цельным явлением, а как бы дробя его на осколки, и из каждого осколка (факта, необычного слова, жеста) делая отдельный рассказ». У критика возникает довольно тяжелое чувство при чтении шукшинских рассказов, критик жаждет просветления. И заключает: «Глубина народной речи, не периферически-распыленные, а ствольные ее образования, где находят выражение существенные стороны народной жизни и где эстетически выразительны самые формы языка, самый склад мышления человека — далеко не всегда входило в круг живых интересов Шукшина и его героев».

А в книгах Д. Гранина об ученых и науке М. Лобанов не увидел ничего, кроме «серийного трепла гениев с юмористическими колечками». Можно, пожалуй, согласиться с Михаилом Лобановым, что гранинский сценарий «Выбор цели» не во всем удачен, но на этом основании зачеркивать роман «Иду на грозу», повести Гранина — значит не видеть в них реального жизнен-

ного материала. Нельзя же судить о языке и духовном складе ученого XX века, исходя из языка и мироощущения ученого XIX века или даже XVIII. А М. Лобанов судит именно так. «Можно ли поверить, — пишет он, — чтобы, скажем, Ньютон оперировал такими остротами: «Мне нужны измерения, а не труха этой старой задницы... Здесь у меня нет классиков».

Допустим, иные произведения Гранина не безупречны, их можно за что-то критиковать, но ведь не так же. Они несут в себе важные нравственные ценности современной жизни, и их надо бы узнавать, а не отворачиваться в критическом высокомерии.

Каждый критик отражает мнения определенной части читателей, а они все разные.

Как-то в разговоре с одним библиофилом мы коснулись вопроса о читательских вкусах. Он меня тогда успокаивал тем, что главное, по

его мнению, — привычка к чтению. Если есть такая привычка, то читатель, по мнению моего собеседника, неизбежно перейдет от средних, ремесленных книжек к произведениям истинным, художественным.

С тех пор прошло лет пятнадцать. К литературе равнодушие десятков миллионов новых читателей, целое поколение людей, взращенных на телевизионных, ежедневных, бесплатных зрелищах, которые воспринимаются вполуха и вполглаза, то есть пассивно. И даже ни разу в жизни не взяв в руки томики «Преступления и наказания» или «Героя нашего времени», эти миллионы новых читателей считают себя вроде бы знакомыми с гениальными книгами. Но ведь они ошибаются: телефильмы и кинофильмы имеют лишь отдаленное отношение к тем классическим произведениям, которые легли в основу теле- и киноэкранизации.

А времени мало. Как сказано в одной мудрой книге, времени больше не будет. И торопливый читатель с трудом вчитывается в старые книги, а в новых ищет завлекательное начало, бубенчики.

И можно понять серьезных писателей, которые опасаются невоспитанного, самодовольного покупателя книг, уверенного в своей непогрешимости и не знакомого с таким элементарным чувством, как ответственность читателя.

Речь идет об очень простых и трудных вещах: «Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком» (Маркс).

В многомиллионной читательской аудитории нам и предстоит работать в ближайшие десятилетия, работать методично и терпеливо. Значит ли это, что у нас нет квалифицированных, воспитанных читателей? Конечно же, они есть, их множество, и на каждой литературной встрече, конференции доставляют истинную радость своим вдумчивым, компетентным словом.

Да, они есть несомненно, наши внимательные, чуть насмешливые, талантливые читатели, и в них — надежда литературы.